

М. И. МУЛИЧ

Сербские агиографы XIII—XIV вв. и особенности их стиля

1

Возобновляя свою письменность, сербы в XIII в. одновременно стали создавать и свою оригинальную литературу. Среди первых ее авторов были сыновья великого жупана Стефана-Немани: Савва и Стефан Первовенчаный. Каждый из них написал по одному житию своего отца Стефана-Немани (в монашестве Симеона). Особого внимания заслуживает житие, написанное Стефаном Первовенчаным, которое, по мнению А. В. Соловьева, является одним «из лучших произведений сербской средневековой литературы».¹ Тему Немани-Симеона по-новому обработал Доментиан, добавив «Житие св. Симеона» к своему первому произведению о «житии и жизни св. Саввы» (Растка Неманича). Доментиан при этом воспользовался данными, имевшимися в уже существовавших житиях Симеона, а также «Словом о законе и благодати» киевского митрополита Илариона. У последнего Доментиан перенял не только стилистические приемы, но и целые отрывки и до предела развил средства агиографического жанра. Однако именно эти его стилистические приемы, риторические усложнения (амплификации), частые цитаты из священного писания, аналогии с библейскими персонажами и событиями, вызвали отрицательное отношение некоторых, в том числе и сербских, литературоведов, пытавшихся оценивать произведения средневековой литературы с позиций современной эстетики. Так, например, П. Попович в свое время, говоря о Доментиане и о его Житии св. Симеона, утверждал, что оно полно «праздных и излишних морально-религиозных соображений, всевозможных риторических амплификаций, которые постоянно вплетаются в изложение и всякий раз задерживают его. Вследствие этого оно и не было популярным».²

Небезынтересно здесь упомянуть также, что К. Радченко, сравнивая стилистические приемы патриарха Каллиста с приемами Евфимия Тырновского, отмечал, что сравнения с библейскими героями и прочими святыми, библейские реминисценции и цитаты из священного писания встречаются гораздо чаще в произведениях Евфимия. Радченко, однако, признает качества стиля Евфимия достойными ученика византийских агиографов того времени, так как Евфимий «стоит неизмеримо выше серб-

¹ А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 94 (Далее: Соловьев).

² Павле Попович. Обзор истории сербской литературы. СПб., 1912, стр. 39—40. (Далее: Попович).

ских (агиографов, — М. М.) XIV века, в житиях которых текст лепится на текст, причем эти тексты плохо или совсем не связаны между собою и с общим повествованием».³

Надо признать, что из всех сербских средневековых книжников Доментиан больше всех пользовался материалом священного писания (всего 482 цитаты), и в этом отношении с ним соперничает лишь «Сборник Данилы» с 463 цитатами. Несправедливо все-таки утверждать, будто эти цитаты «плохо или совсем не связаны между собою и с общим повествованием» и что их наличие в житиях сербских средневековых авторов лишено какой бы то ни было функциональности в изложении основной мысли повествования.

Ответ на вопрос, почему Доментиан или Данило в такой мере приводили цитаты из священного писания, на наш взгляд, кроме прочих объяснений, надо искать и в политической обстановке, в которой находилось тогдашнее сербское государство.

Так, например, известно, что Доментиан оба свои произведения написал на Афоне, являвшемся главным очагом православия и первым его идейным защитником от попыток Рима склонить православную церковь к унии. Известно также и то, что Доментиан преподнес свои произведения королю Урошу, связанному родственными узами с католическими дворами (мать Уроша происходила из венецианского семейства Дандоло, супруга Уроша была родственницей Карла Анжуйского). Пока Доментиан писал житие св. Саввы, на никейском престоле сидел царь Иоанн Ватац, ведший переговоры с Римом об установлении унии. К тому же король Урош в это время был втянут в войну на стороне эпирского деспота Михаила против никейского царства.⁴

Не следует ли думать, что оба жития Доментиана должны были послужить своего рода средством убеждения короля в необходимости оберегать самостоятельность сербской православной церкви и традиции, установленные дедом короля Неманей и дядей Саввой? «Доментиан, — по словам В. А. Мошина, — искренне верит в святость своих героев и стремится передать читателю это убеждение всеми возможными средствами интеллектуального и эмоционального внушения».⁵ Первым же читателем, которому автор и посвятил свои произведения, как раз и был король Урош. Убедить короля во время политической сложной обстановки означало то же, что и рассеять или хотя бы уменьшить опасения, одолевавшие хиландарских монахов и карейских старцев.

Что касается количества цитат из священного писания в произведении Феодосия, то следует сказать, что у этого автора Жития св. Саввы цитаты представлены в гораздо меньшей мере, чем у Доментиана: в Житии св. Саввы, написанном Доментианом, — 268 цитат, у Феодосия же — всего лишь 139, т. е. вдвое меньше. Однако, сопоставив произведения Феодосия с произведениями позднейших сербских книжников, мы увидим, что, превосходя их по количеству цитат, оно уступает лишь Сборнику Данилы. Но, несмотря на обилие цитат и другие бесспорные стилистические сходства Жития св. Саввы Феодосия с произведениями Доментиана,

³ К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 289.

⁴ Деспот Михаил был незаконным сыном эпирского царя Федора, в угоду которому его зять (старший брат Уроша) Радослав, пока сам сидел на сербском престоле, подчинил сербскую церковь охридской митрополии и таким образом на некоторое время уничтожил автокефальность сербской церкви.

⁵ В. Мошин. О периодизации русско-южнославянских связей. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 91.

II. Попович отзывался об этом Житии следующим образом: «Стилистически и литературно вообще эта биография — наилучшая; она в то же время и одно из лучших произведений всей нашей древней литературы», а самого Феодосия, вслед за Свет. Вуловичем провозгласил «наилучшим стилистом, наимприятнейшим повествователем, сербским романистом XIII века».⁶

Трудно точно определить год, когда Феодосий написал Житие св. Саввы.⁷ Если он создал его в конце XIII столетия, то причины его написания можно было бы связать со стремлением папы Николая IV вовлечь в унию сербское государство, опираясь на поддержку королевы Елены и особенно ее старшего сына, короля Драгутина (жена которого также была католичкой). Если же Житие св. Саввы было написано Феодосием в первое десятилетие XIV в., то оно могло быть своего рода протестом против стремления самого короля Милутина заручиться поддержкой папы Климента V против внешних врагов. Ради этого король Милутин обещал было даже перейти в католичество и в 1308 г. отправил в Авиньон послов своих, Марко Лукарича и Трифуна Михайловича, которые должны были разъяснить папе намерения своего короля и возлагаемые им надежды на папскую помощь. Папа, в свою очередь, обещал послать в Сербию своих легатов-миссионеров.⁸

Не оправдано ли поэтому предположение, что, быть может, и Житие, а тем более Похвала святым Симеону и Савве, равно как и Службы этим двум сербским святытелям (написанные также Феодосием), помимо культурных функций, должны были преследовать и чисто политические цели в те дни, критические не только для сербского государства, но и для сербской православной церкви. Нам поэтому кажется, что и произведения сербских агнографов нужно рассматривать не только как жанр церковной литературы: в них следует усматривать и определенные публицистические задачи. Ведь, надо полагать, Феодосий приступил к переделке Жития св. Саввы Доментиана не из-за каких-либо литературно-художест-

⁶ Свет. Вуловић. Белешке и белешчице. — Годишњица, VII, Београд, 1885, стр. 135; ср. также: Попович, стр. 40.

⁷ В. Чорович в статье о Феодосии говорит: «...однако с уверенностью можно сказать, что свой главный труд он написал не позже 1336 г., так как древнейшая рукопись „Жития св. Саввы“, написанного Феодосием, относится к указанному году ... Раньше считали, что произведение Ф. более позднего происхождения (XVIII века), но потом стали относить его к древнейшим произведениям, даже к XIII веку. Между тем соответственно многим историческим данным и заметкам, находящимся в этом житии, оно, по всей вероятности, написано во втором или в третьем десятилетии XIV века» (Ст. Станојевић. Народна анциклопедија, т. IV, стр. 536). Джордже Сп. Радойич (в статье «О првој црквеној песни»). Сборник радова XVII, Института за проучавање књижевности Српска Академија наука, књ. 2, Београд, 1952, стр. 2) о том же пишет: «Где-то между 1284 и 1292 Феодосий переделал „Житие св. Саввы“, написанное Доментианом». Свое мнение о времени написания Феодосием «Жития св. Саввы» Радойич объясняет в другой своей статье: «В введении у Феодосия есть одно место, важное для датировки написания самого произведения. О Савве там сказано, что он „теперь вновь просиял в нашем народе“. М. Башич ... заметил, что на основании этих слов можно заключить, что „произшло какое-то новое большое чудо, связанное с именем св. Саввы“ и что оно послужило поводом для Феодосия написать житие Саввы. Приблизительно в 1290 г. случилось „чудо“. Упал, кажется, какой-то метеор, испугавший войско видинского господина Шишмана, которое пало на Печский монастырь ... Уже была попытка связать это событие с решением Феодосия написать „Житие св. Саввы“. При этом не учитывалось введение Феодосия, так как считалось сомнительным благодаря мнению С. П. Розанова» (Розанов полагал, что это введение Феодосий перенял из «Жития Саввы Ерусалимского»).

⁸ Ср.: Ст. Станојевић. Краљ Драгутин (прештампано из Годишњице XLV, Београд, 1936, стр. 11); см. также: Ст. Станојевић. Краљ Милутин (прештампано из Годишњице XLIV, 1937, стр. 20—21); Миодраг Ал. Пурковић. Авиньонске папе и српске земље. Пожаревац, 1934, стр. 10—16.

венных соображений, и тем более не потому, что «он завидовал славе Доментяна».⁹ Толчок к этому «подвигу» мог быть гораздо серьезнее, и, по нашему мнению, толчком явились соображения идейно-политического характера, соответствовавшие интересам православной церкви.

2

Теперь обратимся непосредственно к характеристике особенностей стиля Доментяна, Феодосия и Данилы.

При всех стилистических сходствах произведений Доментяна и Феодосия, учитывая также внешние причины, побудившие их написать свои жития, нетрудно заметить и различия их стилей, свидетельствующие об авторской индивидуальности каждого из них. Это и понятно, потому что, согласно латинской поговорке, *si duo faciunt idem, non est idem*. Будучи отдаленными друг от друга, хотя и небольшим промежутком времени, они должны были по-разному подходить к своей теме и каждый по-своему излагать содержание, трактуя его так, как этого требовала совокупность всех факторов, обусловивших их мироощущение, а следовательно, и выбор стилистических приемов для обработки материала, связанного с темой.

Поэтому и архиепископ Данило II, когда он писал «Жития королей и архиепископов сербских», в отличие от Феодосия в стилистическом отношении не должен был удаляться от Доментяна: этого от него не требовало тождество темы. Данило II был не только книжником, но и прекрасным дипломатом (например, в примирении братьев Милутина и Драгутина). В политическом и церковном отношениях он был предан традициям династий Неманичей. Вот почему он в своих житиях стремился в первую очередь подчеркнуть то, что способствовало почитанию христоролюбивых государей, защитников «ништиных и странньных и маломощных», готовых в духе аскетического умиления покаяться в своих прегрешениях. Это хорошо показано в монологе короля Драгутина: «Горе мнѣ грѣшному, обложеному печалию мира сего, и толико владыцѣ своему Христу сьгрѣшившоу. И прѣбываше выноу въ мнозѣмь оумилении и въ слъзахъ доуховньныхъ днь и ношть».¹⁰ У этих христоролюбцев действительно было много причин каяться. Но для того чтобы, несмотря на все их отрицательные поступки, сохранить о них добрую память, автору приходилось в повествовании о сербских королях прибегать к панегирическим средствам; красота формы изложения должна была смягчить и ослабить впечатление от не всегда заслуживающих похвалы поступков сербских государей.

Никола Радойич в своем предисловии к переводу на современный сербохорватский язык «Житий королей и архиепископов сербских»¹¹ справедливо отвел упреки и П. Шафарика и А. Гильфердинга по адресу Данилы II как историографа и писателя. Так как и Дж. Даничичу было известно отрицательное отношение И. П. Шафарика, то и он в предисло-

⁹ См.: Свет. Вуловић. Белешке и белешнице, стр. 135.

¹⁰ Так как в настоящей статье часто приводятся цитаты из произведений Доментяна, Феодосия и Данила II, то рядом с цитатой будут даны сокращения, раскрывающиеся следующим образом: ЖСнС — Животи светога Симеуна и Светога Саве, написао Доментјан, на свијет издао Ђ Даничић, у Београду, 1865; ЖС — Ђ. Даничић. Живот св. Саве, написао Доментјан, Београд, 1860 (ошибочно издано под именем Доментяна, а не Феодосия); ЖКиАС — Животи краљева и архиепископа српских, написао архиепископ Данило, на свијет издао Ђ. Даничић, Загреб, 1866, стр. 41—42.

¹¹ Животи краљева и архиепископа српских од Данила II, превео др. Лазар Мирковић, предговор написао др. Никола Радойич, Српска књижевна задруга, коло XXXVIII, бр. 257, Београд, 1935, (Далее: Животи).

вии к изданию «Сборника» Данилы, хотя и скромно, все же довольно четко высказал свое положительное мнение об этом памятнике древней сербской литературы: «Настоящее произведение древней литературы покойный Шафарик хотя и сильно порицал, он все-таки считал, что оно заслуживает быть изданным (Jahrbücher der Literatur, 1831, Bd. 53; Geschichte der Südslav Literatur, III, 237—242; Památku dřevn. písmen. jihoslov., VI); к тому же я полагаю, что оно, будучи опубликованным, само по себе, если даже не полностью опровергает недавние упреки, то, во всяком случае, в значительной мере убавит их».¹² Н. Радойич подтвердил ценность «Сборника» Данилы как исторического источника, но он при этом не упустил из виду и литературных достоинств этого произведения.¹³

Кроме анонимного продолжателя «Сборника» Данилы (быть может, он был не один), в XIV в. творили и другие одаренные сербские книжники, но имена многих из них, к сожалению, остались для нас неизвестны. Среди известных нам авторов того времени надо в первую очередь назвать мастера «извития словес» Силуана, затем попа Иоанна Синайца, епископа Марка и, конечно, знаменитого игумена афонского монастыря св. Пантелеймона, переводчика сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита, старца Исаию. Вполне заслуживает упоминания и монахиня Евфимия, память о которой, вероятно, стерлась бы очень быстро, если бы она была лишь супругой деспота Углеши, овдовевшей после разгрома сербского войска на реке Марице в 1371 г. Но она завоевала себе место в истории сербской литературы, оставив после себя несколько поэтических произведений, в которых изливала свою скорбную душу.

В настоящей работе мы отнюдь не пытаемся дать оценку всех средневековых сербских авторов. Это ведь задача истории сербской литературы. Для выявления тех стилистических особенностей, которые принято называть «плетением словес», достаточно, если мы ограничимся анализом произведений лишь трех авторов: Доментиана, Феодосия и Данилы II. Наше внимание, следовательно, привлекают вторая половина XIII и первая половина XIV в., т. е. время, предшествовавшее возникновению так называемой тырновской школы патриарха Евфимия.

Но прежде чем приступить к выявлению самого факта «плетения словес» у этих сербских книжников, напомним, что в науке все еще принято считать будто «плетение словес» возникло в Болгарии в евфимиевскую эпоху и что этот стиль тесно связан с учением монахов-исихастов.

Однако, если нравственный и эстетический принцип книжников-исихастов был также их принципом стилистическим, выраженным словами патриарха Каллиста «въ веществѣнѣ телеси носити невещественое», и если он пронизывал все формы высокого стиля средневековья, то почему этот же принцип был чужд произведениям Доментиана, Феодосия и Данилы II? Об агнографическом характере их произведений свидетельствуют многие примеры. Так, Феодосий, во вступлении к своему произведению, говорит: «Разоума за не ништетоу одрѣжимь, оть оубогаго дома оума моего ничесо имы, яко подобноу вашего достоинства прѣдѣложити

¹² ЖКиАС, стр. V.

¹³ «Жития королей и архиепископов сербских, — пишет Н. Радойич, — несомненно сами по себе, как это думал Даничич, способны опровергнуть плохое мнение Шафарика о них, как об историческом источнике и литературном произведении. Данило II на самом деле является личностью, не похожей на убогого подражателя, каким его представлял себе Шафарик. Он занимает действительно почетное место не только в сербской литературе своего времени, но и среди современных писателей, повествовавших о недавнем прошлом и о своем времени» (Животи, стр. XXVI).

трапезоу, плною соуштоу словесе аггельские пиште» (ЖС, 1). Данило же начинает Житие короля Уроша такими словами: «Отъврѣзоу бо оуста моя, и наплньеть се доуха трисяньнаго божьства, и прѣдълочу вамъ, въсѣчьстныи о господи събраныи личе урѣковъныи, трапезоу ни хлѣба ни вина ни месь благооуханьныхъ, нь трапезои испльненоу и оутвореноу брашьны книжьными, слаждьшоу паче меда и съта» (ЖКиАС, 3). Интересно, что житие уподобляется «трапезе духовной», как и у Епифания Премудрого, который, подобно Феодосию и Даниле, в начале Жития Сергия Радонежского провозглашает: «Се убо духовная трапеза предложитъ». ¹⁴ Во всех трех случаях житие уподобляется евхаристии; только присутствующие слушатели вместо хлеба и вина причащаются «брашьны книжьными», или, как пишет Епифаний Премудрый: «Се хлебы неистощимиа пища» и «се вино душа и телеса веселяща». ¹⁵ Данило, правда, говорит более конкретно: он для своих слушателей-читателей приготовил трапезу «слаждьшу меда и съта», а Феодосий предлагает им трапезу «плну сушту словесе аггельские пиште». Епифаний же приглашает: «Приидите же ако причастимся словесы». ¹⁶ Бросается в глаза факт, что, повествуя о жизни короля, а не церковного владыки, Данило не стесняется использовать символ «трапезы духовной».

Сербских книжников, как было сказано выше, упрекали в том, что их произведения не содержат конкретных исторических деталей, что они изобилуют библейскими параллелями и риторическими амплификациями. Между тем именно эти многочисленные цитаты из священного писания и аналогии с библейскими персонажами и событиями отражают стремление авторов этих произведений подняться над частным и конкретным — временным, и найти общее и абсолютное, т. е. вечное, или, как говорит Доментиан: «Не зри красньныхъ мира сего въскорѣ мимогредоуштиихъ; послушаи апостола глаголюшта: вса видимы мира сего раздроушетъ се, а творей волю божию прѣбываетъ въ вѣкы» (ЖСиС, 28). Это те же поиски «невещественного в вещественном» — духовного смысла и христианских истин во всех явлениях жизни, о чем говорит Д. С. Лихачев, поясняя свою мысль следующими словами: «В средние века мы . . . можем отметить жажду отвлеченности, стремление к абстрагированию мира, к разрушению его конкретности и материальности, к поискам символических богословских соотношений, и только в формах письменности, не осознававшихся как высокие, — спокойную конкретность и историчность повествования». ¹⁷

Какими средствами и приемами сербские книжники выражали эту свою «Πνευματικὴ θεωρία», реализованную в написанном слове? Для наглядности ответа на заданный вопрос нам кажется, что лучше всего воспользоваться определениями и объяснениями стилистических приемов, как они изложены Д. С. Лихачевым в его докладе на IV Международном съезде славистов. Мы делаем это по двум причинам: 1) эти приемы впервые в упомянутом докладе получили свое четкое определение и 2) если рассмотреть эти приемы на материалах произведений сербских средневековых авторов, то станет ясно, что эти произведения настолько выросли в литературном отношении, что смогли послужить образцом и толчком для других славянских книжников.

¹⁴ Древние жития Сергия Радонежского, изд. Н. Тихонравовым, М., 1892, стр. 3. (Далее: Древние жития).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения южнославянского влияния в России. IV Международный съезд славистов, Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 27. (Далее: Некоторые задачи).

Если средневековый автор стремился хотя бы частично отразить свое созерцание мира, которое само по себе являлось философским, а не обыденным видением действительности, ему для этого необходимо было прибегать к иному способу выражения, отличному от разговорной речи, как средства общения. Тут нужен был особый — «высокий» стиль, далекий от бытовой речи, непохожий также на язык деловой письменности с присущими ему терминами, причем не просто язык книжный, а именно ученый и близкий к литургическому, недоступный для непросвященных. Поэтому, по мере возможности, из произведений, написанных «высоким» стилем, «изгоняется бытовая, политическая, военная, экономическая терминология, названия должностей, конкретных явлений природы данной страны, некоторые исторические припоминания и т. д. Если приходится говорить о конкретных политических явлениях, то писатель предпочитает называть их, не прибегая к политической терминологии своего времени, а в общей форме, предпочитает выражаться о них описательно, давать названия должностей в их греческом наименовании, прибегает к перифразам и т. д.»¹⁸ Эта общая характеристика высокой церковной литературы может быть вполне отнесена и к литературе древнесербской, которой также присущи перечисленные выше особенности. Приведем некоторые примеры.

Как известно, Неманя был пострижен в монахи епископом рашским Калиником. Однако, рассказывая об этом событии, Доментиан вместо конкретного названия сана употребил более широкое понятие: «... рече архiereю своемоу, рекомому Калиникоу» (ЖСиС, 43). Вместо конкретного названия рашского государства он охотнее пользуется перифразой: «И достигшоу посыланому до края земле владычества сына его» (ЖСиС, 66). Где только это возможно, Доментиан заменяет перифразами имена своих героев, вместе с их определениями-эпитетами. Так, например, вместо конкретного имени «прѣподобный отць богоносный Симеонъ» либо «благогласный кирь Сава» Доментиан предпочитает сказать о Симеоне: «Егда же начеть болѣти прѣподобный отць нашъ» (ЖСиС, 75), или же о Савве: «И прѣподобный о томь о всемь благодаривъ бога» (ЖСиС, 161—162). Но во избежание неясности иногда приходится назвать по имени хотя бы одного из персонажей (особенно, если в одном и том же предложении упоминаются два или три лица): «... и посла прѣподобный богоумнааго сына своего кирь Савоу» (ЖСиС, 166).

Уже сами определения, сочетающиеся с конкретными именами, являясь кальками, заведомо образованными по образцу греческих сложных прилагательных *θεόφορος*, *θεοφόρητος*, *θεοπρότος*, *θειγγόρος*, придают определяемому собственному имени какой-то высший смысл, характеризуют его как нечто особое, необытовое. Когда же такие прилагательные-эпитеты субстантивизируются и сочетаются с указательными местоимениями, например «сии жь светии, богоразоумна зара» (ЖСиС, 179), тогда достигается еще большая степень абстрагирования, стиль становится более возвышенным.

Подобные примеры нередки и в Житии св. Саввы, написанном Феодосием. Так, Феодосий собственное имя своего героя, однажды упомянутое им в тексте, в дальнейшем охотно опускает, заменяя его именем нарицательным. Рассказывая о Растке Неманиче и об его побеге на Афон, Феодосий лишь один раз называет его по имени (на стр. 4 текста, опубликованного Даничином), а в дальнейшем называет его только «юношей»; значительно позднее (на стр. 16 текста, опубликованного Даничином), снова появляется имя Растко. Имя Немани Феодосий также заменяет там

¹⁸ Там же, стр. 28.

перифразой «родитель его» (либо «родителя его», если речь идет и о матери Растка), или же «самодръжьць отьць», или просто «отьць» (и «мати отрока»).

Заслуживает внимания употребление у Феодосия греческих названий военных должностей. Сообщая о том, как исчез Растко и как Неманя снаряжает погоню за ним, Феодосий пишет: «И абие призвавъ единого отъ стратилатъ своихъ, глагола къ нему» (ЖС, 11). Этот же *стратилат*, в эпизоде, где рассказывается о том, как он приехал «къ упархоу солоунскихъ области», уже назван по-славянски *воеводой* в отличие от византийского военачальника, носящего по праву греческий титул. «И ничтоже суспѣвъше приходеть въ словоушти градъ Солоунъ, въ немже приеть бысть *воевода*, выдаетъ *упархоу* писание» (ЖС, 11). В последующем повествовании, в котором описано прибытие отряда преследователей на Афон, *воевода* снова назван *стратилатом*. Здесь, по всей вероятности, дело не просто в варьировании синонимов, а в стремлении писателя, несмотря на тенденцию к абстрагированию, все же сохранить некий намек на различие в социальном положении и в государственной принадлежности упоминаемых лиц. Имя *стратилата*, равно как и *наместника*, вообще не названо, так как речь идет о персонажах эпизодических. В подобных случаях очень часто существительные, обозначающие должности, сочетаются с каким-либо из неопределенных местоимений. Так, Неманя призвал *единого из стратилат* своих. У Доментиана же читаем: «По сихъ же высѣхъ въ Константинѣ градѣ нѣкыи вѣста царь лють и кровпролитель» (ЖСиС, 22), а у Данилы: «И посла нѣкое *едины отъ вольмоужь* своихъ съ нѣкотою честию воиски свое» (ЖКиАС, 195). С той же целью древние сербские писатели прибавляют неопределенные местоимения и к другим нарицательным существительным, заменяющим конкретные названия, а иногда и к самим именам собственным. Свой рассказ о Стрезе и его бесчинствах Доментиан начинает следующими словами: «Обрѣте се нѣкто *Стрѣзь* отъ българьскыя страны» (ЖСиС, 206). Подобно этому и Феодосий говорит о том же зазнавшемся вельможе: «... нѣкоторый *Стрѣзь* нарицаеми» (ЖС, 103). Так же и Данило пишет про архиепископа Арсения: «*Единь же* оубо нѣкто *юноша*, его же именоваше отъ сръмьскыя земле соушта» (ЖКиАС, 266).¹⁹

Приему с употреблением неопределенного местоимения близко также сочетание имен собственных и географических названий с некоторыми формами глаголов *решти*, *глаголати*, как например: «Вѣста бо въ те врѣмена въ земли българьсѣви кнезь нѣкто глаголемыи *Шишьмань*» (ЖКиАС, 117), или «живый въ градѣ рекомѣмъ *Бѣдини*» (ЖКиАС, 117); «обрѣтоста се два нѣка вельмоужа оукорѣнивша се въ дрѣжавѣ земле браничевьскыя въ мѣстѣ рекомѣмъ *Ждрѣлѣ* ... брата единыя матери, яже глаголю *Дръмана* и *Коуделина*» (ЖКиАС, 114—115).

Таким образом, случайные, в историческом отношении подчас даже незначительные лица, в повествовании средневековых сербских авторов приравняются к персонажам важным. Ведь для средневековых книжников эти персонажи важны не столько как художественные образы, сколько им отводилась роль примеров для авторского назидания, для похвалы или порицания поступков и вообще поведения героев произведения

¹⁹ Такой способ абстрагирования явно перенят славянскими книжниками у византийских агнографов, в первую очередь у Метафраста. Симеон Метафраст очень часто начинает повествование о своих героях-святых словосочетаниями, в которых обязательной частью является неопределенное местоимение, например: «*ὁ ὧμῃ τις ἐστὶ . . .*», «*ἀνὴρ τις τῶν εἰς Χριστὸν πεπιστευῶτων*», «*γυνὴ δὲ τις ἐπιφανὴς φύσει οὐκ ἀσπίου*» и т. п.

в зависимости от того, соответствуют ли их поступки духу христианского учения или нет. Автор же, как «творец волю Божию», стремится указать на то, что «прѣбываетъ въ вѣкъ», чего он достигает абстрагированием в своем изложении

Абстрагированию способствует и употребление греческих терминов, которые сербские авторы тут же поясняют славянскими словами. Так, у Даниила читаем, что король Милутин построил в Константинополе «ксендохие, глаголемо больнице» (ЖКиАС, 134); в том же сборнике встречаются и другие подобные примеры, как например: «... шьдыше съ ... оуничижениемъ въ светыйи и славныйи градъ Коньстанътинополь, рекомыйи Цариградь» (ЖКиАС, 109). Но иногда автор приводит сначала славянское слово, поясняя греческим термином: «... тоу же и помость сътвори прѣзьню въ высоту, еже именууетъ се катихоумении, по немъ же ити архиереоу въ црковь божьствьноюу» (ЖКиАС, 370—371).

И обыденные поступки и явления в произведениях средневековых сербских писателей приобретают характер чего-то необыкновенного, нуждающегося в пояснении. Это пояснение и придает им черту необыкновенности. Автор, «хоте похвалы достойные принести Христа възлюбившимъ», ищет достойных слов и избегает грубых и обыденных выражений. Если же и приходится ему говорить об обыденном, он в своем пояснении как бы извиняется за это.

В рассказе о побеге Растка в монастырь и о его прощании с матерью (которая и не подозревает о том, что задумал сделать ее сын, благословляет его и целует, полагая, что он собрался на охоту) Феодосий передает эту сцену словами: «И матери же, яко матери обычаи, объемиши и цѣловавши любьзно» (ЖС, 8). Когда же стало известно, что Растко остался на Афоне и не помышляет возвратиться к родителям, во дворце Немани всех обуяла скорбь, или, как повествует об этом Феодосий: «... плачь крѣпкъ и ридание много паче прѣвааго съ всѣми благородными съставляше, сътованными яко мирьскимъ обычаи почитаютъ юношоу» (ЖС, 27). Подобно этому у Данило, рассказывая о похоронах короля Драгутина, говорит: «Якоже по достоянию обычаи омыти тѣло мрътвааго водоу» (ЖКиАС, 51).

Смысл же всего этого в том, чтобы обыденное представить как необыкновенное, известное как нуждающееся в пояснении, а следовательно, как возвышенное и недоступное всякому.

Стремление возвысить свое повествование над исторической конкретностью событий и действующих лиц находит свое выражение и тогда, когда авторы о своих героях не сообщают ничего другого, помимо того, что они были благочестивыми христианами, или когда говорят о добродетелях действующих лиц в самых общих словах. Прием этот, очевидно, унаследован у Симеона Метафраста, у которого имеется множество подобных мест. Для примера приведем одно из них: «Οὗτος τῶν εὐ γεγονότων ἀνὴρ, ὡς ὁ περὶ αὐτοῦ λόγος διδάξει. Γεννητόρες Χριστιανοὶ τῷ ἀνδρὶ». ²⁰ Подобное находим в Метафрасте Хиландарском, например в житии Евфимия Великого: «Бѣше нѣкыйи отходникъ тамо великъ, прѣжде мала оубо пришьдь от ликие Герасимъ именовень», ²¹ либо в житии Созонта: «Юноша нѣкто, отчество оубо имыи Лукаонию и Тарасие иже от рождения име Созонт же б[о]ж[ь]ствныи крѣштениемъ прѣименовань». ²²

Соответствующие места можно найти в «Сборнике» Даниила. Вот как Данило говорит об архиепископе Арсении: «Съ оубо блаженныи отць

²⁰ Migne. Patrologia Graecae, CXII, 397.

²¹ JAZU (Архив Югославской АН, собрание рукописных книг), III в. 20, л. 394.

²² Там же, л. 92 об.

нашь и оучитель и светитель Христовъ Арсении бысть рождениемъ отъ срѣмьские земли, нѣкоихъ благовѣрныхъ и благочестивыхъ родителейъ сынъ, егоже рекоу яко еште въ оутробѣ матерни назнаменанъ доухомъ светлымъ и богу даръ непорочнъ оуготованъ отъ юности своее, ни къ единой славі елико соуеты мирьские не приложи се» (ЖКиАС, 236). Таким же образом и ученик Данилы повествует о своем учителе: «Сего блаженаго светителя кира Данила . . . и благочестивоу милостивоу праведноу начало жития его истина; бысть нѣкоемоу благовѣрноу родителю сынъ, иже бѣста богата и славна зѣло окрмляюшта дньи вѣка сего въ добродѣтели велицѣ, и въ тои прижиста сыны и дштери, и сего же господина моего и оучителя въспитаста въ цѣломоудрии и въ всацѣмъ благоговѣнствии. Мьнить бо ми се, мнѣ недостойноу, противоу благомоу и доброраствореному житию его елико отъ юности, и смыслоу неизглаголаному, яко еште въ оутробѣ матерни бысть назнаменанъ господеву оугодно послужити» (ЖКиАС, 331).²³

Читая произведения Доментяна, Феодосия, Данилы и его учеников, легко убедиться, что им присущи все те стилистические приемы, которые обыкновенно принято считать достоянием «высокого» стиля XIV—XV вв. Эти приемы встречаются также и у Стефана Первовенчаного.

В. А. Мошин в своей работе «О периодизации русско-южнославянских связей» указал на Псалтырь, как на один из образцов стилистического подражания средневековых славянских авторов. И действительно, на основании данных, приведенных в труде Ст. Станоевича и Д. Глумца, известно, что «из цитат, происхождение которых уточнено, свыше $\frac{2}{3}$ (729) взято из псалмов Давыда»; а также: «Большинство наших (сербских, — М. М.) авторов цитирует в большей мере Ветхий нежели Новый завет».²⁴ Эта популярность псалмов Давыда объясняется и тем, что почти все средневековые сербские книжники были монахами, для которых чтение Псалтыри вменялось в их ежедневную обязанность, или, как об этом говорит Рад. М. Груич, «монахи издревле были обязаны постоянно читать Псалтырь, а помимо этого, иногда в своих келиях отправлять определенное богослужение, так называемые часы».²⁵ Поэтому вполне понятно, что не

²³ В связи с приведенными двумя цитатами из ЖКиАС интересно подчеркнуть, что и Арсений и Данило еще до своего рождения предопределены были послужить богу. Подобные случаи встречаются также в Житии митрополита Петра, написанном Киприаном Цамблаком, и в Житии Сергия Радонежского Епифания Премудрого. У них, правда, эта мысль получила свою разработку. Так, Киприан добавил легенду о сновидении матери Петра: «И прилучи же ся нѣчто сицево и прежде рождения его, егож(е) не достоитъ молчати. Еще бо сушу во оутробѣ м(а)т(е)рни, въ единою ношь свитающе д(в)неви неделному, видѣ видѣние таково м(а)ти его. Мняше бо с(я) на рукоу носяще агнца, посреди же рогу его древо бл(а)голиственно, израстше многими цвѣты и плоды обложено, и по среди вѣтвей его свѣща многы. И возбудивши ся м(а)ти его, недомеваше ся что се есть или что конецъ таковому видѣнию. Обаче она недомышляше ся ино и конецъ со оумилениемъ последи яви ся, еликими дарьми оугодника своего богъ обогати. . .» (Б. Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сѣрбска литература. София, 1958, стр. 163). У Епифания же Премудрого, пока мать Сергия Радонежского стоит в церкви, слушая литургию «въ врѣмѣ трис(вя)т(а)го, вьнезапу вьзгласи младенець въ утробѣ м(а)терни, яко и гласу слышатися, иже ту сущимъ стоящимъ» (Древние жития, стр. 6). И этот возглас повторяется три раза. Но, несмотря на то, что Киприан и Епифаний каждый по-своему разработали мысль о предопределении своих героев, трудно не видеть связь между их интерпретациями и краткими упоминаниями из Сборника Данилы.

²⁴ Ст. Станоевић и Д. Глумац. Свето писмо у нашим старим споменицима, изд. Српска Краљевска Академија, књ. LXXXIX—39, Београд, 1932, стр. XI и XII.

²⁵ Рад. М. Грујић. Палестински утицаји на св. Саву. — Светосавски зборник, књ. I, посебна издања, Српска Краљевска Академија, Београд, 1936, стр. 295; ср. также в том же сборнике и статью Ф. Гранића «Црквеноравне одредбе Хиландарскога

только содержание, но и формально-стилистические характерные черты такого чтения оставляли глубокий след в сознании этих людей и влияли на их собственное литературное творчество, предлагая им готовые формулы и образцы высокого стиля. Таким образом, в литературном творчестве этих писателей отразилась поэтическая экспрессивность, перенятая из ветхозаветных текстов. Эта же экспрессивность, сопровождаемая абстрагированием действительности и возвышенными чувствами (в стремлении авторов как можно лучше выразить свою основную теологическую мысль), доходила до экзальтации. Оттуда и тот страх средневековых писателей, который они выражают в начале повествований о житиях своих героев. Писатели боятся, что не смогут в полной мере отобразить всю святость и величие подвигов святых. Стилистической формулой для выражения страха от собственной немощи мог послужить и псалом СХL, 3, гласящий: «Τὴ ἀνταπόδοσιν τῷ κυρίῳ περὶ πάντων ἀνταπέδοκέ μοι», что уже находим в Житии св. Симеона Стефана Первовенчанного. У него читаем: «Что въздамъ ти или что принесу ти отъ моего недостойнства за блага твоя, яже сътворилъ еси и твориши о мнѣ грѣшнѣмъ?»²⁶ Количественно и качественно разработанная, эта формула встречается у Данилы в Житии короля Драгутина: «Что бо рекоу, о любимици, азъ съмѣренный Данииль, или что пръвѣ възглаголю? отькоуду ли начьноу сего благочыствааго моужа толкыке троуды и страсти, подвигы же неисповѣдимы и бѣдѣния и обьноштная стояния, непрѣсыхаемые же источникы слъзь его» (ЖКиАС, 28). Эта авторская скромность и смиренность гораздо сильнее выражена у Доментиана, где она выступает антитезой величию святого: «Помышляю дѣло сие великое и прѣславное, и диваю се, недоумѣю се, оть коуду начьноу пръвѣ глаголати» (ЖСиС, 1), либо у Данилы в Житии короля Милутина: «... оужасаю се и трепештоу, оть коуду начьноу, кыими ли оконьчяю; кѣто бо исчѣтеть сего чоудеса? которы ли языкъ изглаголетъ тайные его богу дѣтели недовѣдимые ествьстоу чловѣчскому?» (ЖКиАС, 127).

Поэтому авторы сербских житий молят у бога даровать им помощь в преодолении их собственной немощи, дабы им словами выразить все добродетели и святость их героев. У Доментиана это выражается без особой экзальтации: «... не обьштии ис прѣва вѣсьмъ намъ источникъ божьственныя благодѣти прѣсветыя и животворештие троиде, еиже молеште се и оть нее разума прссеште, по неже оть нее всакъ даръ съвршень съвыше съходить, тѣжде даръ светааго доуха да и намъ отьврзеть оуста разоумная ... и дасть глась ... и слово дасть намъ на отьврzenie оустомъ нашимъ, а розоумъ добръ ... да възмогу и азъ ... глаголати» (ЖСиС, 1). Данило же в Житии короля Уроша создает настоящую христианскую инвокацию: «Такожде и азъ ... дрѣзае выпию и глаголю въ оумилении срьдѣца: поспѣши и направи срьдѣце мое начети богооугодно и разоумно житие сие и оконьчати дѣлы добрыми» (ЖКиАС, 3).

Кстати сказать, и Епифаний Премудрый также обращается к Христу и Троице, моля о ниспослании ему «слова твердого, разумного и пространного», как это читаем во вступлении к Житию Стефана Пермского. У Епифания его инвокация одновременно является и определением стилистических приемов агиографической литературы. Ведь слово разумное и пространное — это и есть то, что характеризует «высокий» стиль, согласно

типия св. Саве», где на стр. 95 сказано: «Типик св. Христодула для монастыря св. Иоанна на острове Патмосе, говоря о жизни своих монахов, подчеркивает, что они будние дни проводили »έν ψαλμωδίοις καὶ ἔργοις τὴν ἐκείνου εὐβομῆδος διαύοντας ἑξαήμερον«, в праздничные же дни участвовали в совместном богослужении».

²⁶ J. P. Šafarik. Památky, 1873², стр. 14.

тому, что, исходя из понимания средневекового автора, нужно обладать «разумом добрым», чтобы рассказать слушателям-читателям о всех добродетелях святого, недоступных естеству человеческому. Поэтому надо избегать законченных определений тех, которые в своей святости вознеслись до высшего Ерусалима, до высоты «вечного дела божьего». Сознывая же, что не в состоянии сообщить и объяснить «толикие труды и страсти», автор удовлетворится и тем, что поведаст нам «мало нечто», но это «мало» он расскажет «пространно».

«Пространность слова» проявляется в первую очередь в обильном употреблении синонимов. «Здесь синонимы обычно ставятся рядом, они не слиты и не разделены. Автор как бы колеблется выбрать одно, окончательное слово для определения того или иного явления и ставит рядом два или несколько синонимов, равноценных друг другу. В результате внимание читателя привлекают не оттенки и различия в значениях, а то самое общее, что есть между ними. Простое соседство синонимов устанавливает взаимоограничения между синонимами, стирает в них взаимоисключающие оттенки, значения, позволяет выделить в них основное».²⁷ Данное определение Д. С. Лихачева можно приложить к следующим примерам из сербских авторов: «... а ты, господи мои, съ печалию въспита ме и наказа ме и научи ме» (ЖСиС, 63), или: «... и обрѣтохъ въ нѣмь радость неизреченую и веселие неизглаголаное» (ЖиС, 47). А что и говорить о таком примере из того же Жития Симеона, когда Савва вопиет к богу: «Днь и ношь покаяннемъ теплымъ зовы: о невидиме, о неописане, о неосезаемы, о неодржимы, о непостижиме, о неизречене, о прѣблагыи, о многомилосрьде, о неозлобиве, о многомилостиве чловѣколюбьче господи, коль много множество благости твоее» (ЖСиС, 84).

Вместо нанизывания простых синонимов той же цели служит и ряд синонимических сравнений, вроде следующих: «О риза желаемого желающтиимъ запаление! како понесемъте, како копия образъ или мѣча обоудоу остра въдами те родителема и братии!» (ЖС, 19); или: «... старьць радываше се, сына виде яко нѣкогого борца или искоусна воеводу за нь подвизывашта се» (ЖС, 45). В обоих приведенных примерах стираются видовые значения синонимов за счет общего, абстрактного значения рода, которое воспринимает читатель-слушатель: это колющее оружие либо опытный воин. Повторение синонимических сравнений не только абстрагирует явление, но одновременно и усиливает его значение, способствует экспрессивности и эмфатичности повествования.

Древним сербским авторам присуще также стремление «создавать либо целую цепь близких понятий и образов, либо парные понятия и образы, причем одно из понятий может быть видовым и конкретным, а другое (или другие) — родовым и более абстрактным, либо все понятия могут являться видовыми по отношению к объединяющему их родовому, которое только подразумевается, но в тексте отсутствует».²⁸ Примером может послужить приводившаяся уже цитата из Жития короля Милутина: «. оужасаю се и трепештоу отькоудоу начьноу», либо «краль Оурошь многыми молении и глаголы сладкыми едьва оумоли его...» (ЖКиАС), 358). Д. С. Лихачев для такой синонимической связи приводит пример из Жития Сергия Радонежского: «Птица обрѣте себѣ храминуу и грѣлица гнѣздо себѣ», который, кстати, встречается в аренге одной из дарственных грамот короля Милутина Хиландару. Грамота эта датирована 6810 г.

²⁷ Некоторые задачи, стр. 32.

²⁸ Там же, стр. 33.

(1302 г. н. э.). Уже из самого текста аренги явствует, что это — псалом, а именно — XXXIII, 4.²⁹

Для наглядности можно привести и следующие примеры (которые отнюдь не являются единственными): «... и пастоуси словесьныхъ овць стада Христова, епископи и свещтеници, попове и дякони, попечениемъ прѣподобнаго явише се» (ЖСиС, 35), или не менее характерный случай: «... не бѣ бо противляющтааго се ему ни въ прѣкы глаголюшта, подвизае бо се о господи побѣдоу възеть на всѣ врагы свое и соупостаты и противляющтее се емоу» (ЖКиАС, 114). Очень экспрессивна синонимическая ассоциация сравнений с видовыми конкретными значениями, противопоставленная тяжести прискорбного известия, которое стратилат должен передать Стефану Немане: «Како явим се гоподиному нашему? которыи камень, кое желѣзно естество отнюдь таковые повѣсти теготы понесеть» (ЖС, 20).

Упомянутым приемам очень близко и сцепление синонимов в градации, какое встречаем, например, у Доментиана: «... како възлюбю Христа, како преда се емоу, како приближи се къ нему, како осеза неосезаемааго, како приближи се къ неприкосновеному, егоже херувими и серафими съ страхомъ трепештоуть, къ томуу ты въ послѣдняя лѣта оусрьдно приближи се» (ЖСиС, 32). Таких примеров немало у всех трех интересующих нас здесь авторов.

Для достижения большего абстрагирования и экспрессивности в повествовании древнесербские авторы иногда связывают слова и понятия в неожиданные для нас словосочетания. У Доментиана читаем: «И прогна отъ нихъ мыслъные влькы безбожьные нападающтее на стадо твое» (ЖСиС, 64). Наряду с необыкновенными словосочетаниями писатели того времени создают новые слова, которые подстать необыкновенным словосочетаниям. «Эти неологизмы необходимы писателям, с одной стороны, потому, что такие лексические образования не обладают бытовыми ассоциациями, подчеркивают значительность, «духовность» и «невыразительность» явления, а с другой стороны, будучи по большей части составлены по типу греческих, придают речи «ученый характер», как отмечает Д. С. Лихачев.³⁰ У Феодосия стратилат называет Савву «каменуотробным», Стреза же — «каменуумным». Подобные лексические словообразования предоставляют автору возможность также для «извития словес», для придания тексту определенной мелодичности и возвышенности: «... на свою бо крѣпость и въ тврдыню високаго камене каменуумны оуповае» (ЖС, 106).

«Извитие словес» по существу не что иное, как те же приемы риторической прозы, получившие свою теоретическую разработку у Горгия и Исократы, известные нам под названием «*Συζητάτα Γοργίου*». К славянским книжникам эти приемы пришли через византийскую гомилетическую литературу и стали составной характеристикой стиля выдающихся славянских проповедников и агнографов. Приемы извития словес нашли свое отражение и в произведениях Доментиана, Феодосия и Данилы. Вот один из многих примеров гомайотелевта (два или целая цепь предложений, иногда и членов предложения имеют одинаковые окончания): «И яже о нѣмъ прочѣтше разоумѣше, что не дѣахоу и что не хотѣахоу себѣ сътворити, но срамлю се сказати, давидова бо рекоу, рикахоу плачевно отъ болѣзни сръдѣца, и въздыханиемъ, и яко льви нокти изъ сръды оутробоу рѣвоуште звахоу любимааго, приемахоу власы, подъемахоу ризоу яко скро-

²⁹ Byzantina χρονικά. — Actes de l'Athos, actes publiés par V. Korabiev, СПб., 1915, стр. 402.

³⁰ Некоторые задачи, стр. 35.

виште яко користь разграбляхоу, слъзми сихъ окрапляюште цѣливахоу, яко исцѣление къ очима прилагаахоу, и паче врѣдъ подъемахоу» (ЖС, 43). В данном примере наряду с гомойотелевтом представлен также исколон с парисоном.

В Житии св. Симеона, написанном Доментианом, имеется и основа, которую, по нашему мнению, потом разработал Епифаний Премудрый в свой известный полиптих: «Единъ чрънецъ сложилъ, единъ составилъ, единъ счинилъ, един калогерь, единъ мнихъ». Это: «Единъ отъ рода своего все троуды и теготы подые о старости прѣподобнааго, единъ о единомъ троуждае се беспрѣстани, единъ единомуу прѣдъстое днь и ношь, единъ единогоу прѣжде праве къ небесънымъ, единъ единомуу паку чсть и славоу въсылае на земли, единъ паку съ единѣмъ выше силы прослави се на небеси и на земли, и единъ выше рода всего живе на земли ни единъ днь не сътвори воле своее» (ЖСиС, 91). Епифанию, правда, образцом и исходной точкой могло послужить и предложение из трактата Черноридца Храбра «О писменахъ»: «... а словѣнскы книги единъ стьи Констинъ, нарицаемыи Кириль, и писмена створи и книги прѣложи».³¹ Если, однако, не пренебречь мнением А. В. Соловьева,³² что Епифаний Премудрый во время своего пребывания на Афоне мог познакомиться с сербскими житиями (на что уже указывал и Голубинский), то не будет трудно допустить, что приведенное выше место из произведения Доментиана побудило Епифания «извить» его еще лучше. Во всяком случае, данное «извитие» Доментиана могло послужить средним звеном становления епифаниевского полиптиха с «един».

Стилистические приемы, которыми пользовались сербские книжники XIII и начала XIV в., не столько служили ясности повествования, сколько затуманивали смысл сказанного ими. Такое повествование, перенасыщенное повышенной эмоциональностью, действовало на читателей (кажется, что оно было рассчитано в первую очередь на слушателей) не столько логикой изложения, сколько общим стремлением авторов пленить тех, для кого они писали, таинственностью многозначности, заколдовать их аллитерациями и ассонансами, ритмической упорядоченностью речи и звуков, повторяющихся в определенном порядке. Эти повторения как прием Доментиан перенял у Илариона Киевского; у Доментиана же учились и Феодосий и Данило, которые, находясь на Афоне, могли легко познакомиться и с произведениями Илариона и Кирилла Туровского.

Интересен по своей комплексности приемов плетения и извития словес плач Данилы над телом короля Милутина: «... и съ всеосвештеныи епископъ Данииль благосрѣдныи плачь въсприемъ, и тако повръгъ се на тѣло сего блаженааго жалостно плаче се глаголааше: „О охъ мнѣ, сладкый мой господи, почто въскорѣ разлоучи се отъ насъ пастыроу добрый и хранителю нашъ. Блажоу много прѣсвѣтлое лице твое озаршее се отъ прѣсветааго доуха... Блажоу доброголаолиевыи языкъ твои, на нъже сладость доуха светааго излия се; *блажоу* златозарьѣи твои очи иже съ милостию на ништее и оубогые възирааста; *блажоу* прѣочистоваиѣи твои роуцѣ... *блажоу* нозѣ твои ходивъшии на незаблюдьные поути еже къ ништинимъ и маломощънымъ богоугоднааго даяния; *блажоу*, о прѣблажене, и богоизбраныи днь покоя твоего; въ истинуоу *блажоу* и прѣчъстныи храмъ, въ немъже изволи се положити боголюбъзное тѣло твое“» (ЖКиАС, 156—157). В этом плаче семь раз повторяется слово «блажоу», после которого следуют определения к дополнениям, точнее к общему

³¹ Josip Nam m. Čitanka starocerkvenoslavenskoga jezika. Zagreb, 1947, стр. 68.

³² Соловьев, стр. 105.

дополнению — особе короля: лицо, язык, руки, ноги, глаза. Цель подобной декомпозиции — по-видимому, то же абстрагирование конкретного объекта: в конце плача восстанавливается синтез, выраженный в словосочетании «боголюбезное тело». Однако конкретность этого «тела» ослаблена определением. Сами же определения «доброглаголивый», «благосердный», «богоугодный», «многоразумный», «многопресветлый», «златозарный» являются кальками по греческим образцам и соответствуют греческим словам того же значения (εὐθυμος, εὐφρων, πολύβουλος, πολύφρων, θεοφιλής, χρυσοφαής, χρυσοφεγγής и т. п.). Эти определения, помимо абстрагирования, усиливают также экспрессивность выражения, чему способствует и повторение сказуемого «блажу», равно как и перифразы, вроде «незаблудные пути еже к ништимь и маломоштьнымь богоугодного даiania» и другие, которые в порядке повествования создают симметрические предложения.

Подобная декомпозиция, как видим, служит именно «пространности» и «сытости словесной». В ней легко развернуться и тавтологическим словосочетаниям и перифразам, которые, между прочим, нередко являются у наших писателей и самостоятельно. Так, Симеон обращается к Савве со словами о приближении своей смерти: «О любимое чедо мое, приспѣ врѣме разлоучению наю, и прииде днь отышствия моего» (ЖСиС, 75).

Но «сытость словесная» иногда служит и конкретизированию абстрактного. Так, Савва, находясь на Афоне, наблюдает подвизающихся отшельников: «... ови оубо въ высокыхъ горахъ селитвоу съ елени имоуште, небо црковь, Христа въ доушахъ въображена зреште, колибы травою оукрашены тѣсны имоуште, въ сихъ трѣпѣахоу ... ови же въ распаданиихъ каменныхъ и въ пропастьхъ земле и на каменнихъ морьскихъ птици подобно възгнѣздившесе сѣдѣахоу» (ЖС, 23—24). В этом изложении даже Христос, воображаемый только «в душах» отшельников, должен действовать конкретнее.

Надо сразу оговориться, что в произведениях сербских авторов не встретим такой степени конкретизации, какую создал Епифаний Премудрый в Житии Стефана Пермского («кумиры глухи, болваны безгласны, истуканы безсловесны»), что, по словам Д. С. Лихачева, и в произведениях позднейших мастеров плетения словес было редким приемом.³³

На основании приведенных примеров, представляющих наглядное доказательство существования «плетения и извития словес» в произведениях сербских авторов, действовавших до второй половины XIV в., нам кажется, что возникновение стиля «плетения словес» в южнославянской литературе надо отнести хотя бы на сто лет раньше, чем это было принято считать до сих пор. В. Чорович в своей работе «Силуан и Данило II» указывает на некоторые предложения, перенятые из греческих текстов Феодосием в его Службу Симеону и Савве, а также в Похвалу Симеону и Савве, и, между прочим, приводит и следующее: «Похвалами вѣньци почьсти вамь исплѣтаюште»; в Житии Саввы опять же: «Стефанови вѣнци похвалами выплѣтати не лѣтъ есть» (ЖС, 122). Все это В. Чорович связывает с греческим поэтическим стилем, встречающимся в синаксарской поэзии, и добавляет: «Люди, какими были Силуан и Данило, понимали это средство поэтического стиля и на сербском языке пытались и сами применить его». Однако, по словам В. Чоровича, это им почти не удавалось, так как плетение и извитие словес греческих оригиналов нельзя было перенести в славянские стихи, сохранив при этом и точность

³³ См.: Некоторые задачи, стр. 37.

перевода.³⁴ Но то, чего нельзя было в поэзии осуществить, осуществимо было в повествовательной прозе.

Что касается самого понятия «плетения словес», оно было известно сербским авторам и до возникновения так называемой тырновской школы патриарха Евфимия. Об этом свидетельствует и вступление к Житию Стефана Дечанского, в котором автор (по правилам монашеской скромности) извиняется: «Сия бо елика писана прѣди и по сихъ не съплетениемъ вѣтискиими словеси съставихомъ сия» (ЖКиАС, 163). Приведенные же слова Данилы необыкновенно напоминают подобное заявление искуснейшего мастера в плетении и извитии словес — Епифания Премудрого, который так же во вступлении к Житию Стефана Пермского говорит: «И не научихся у философвъ . . . ни плетения риторьска, ни вѣтискихъ глаголь».

³⁴ В. Ђорговић. Сиуан и Данило II. Глас Српске Краљевске Академије наука, СХХХIV, други разред 72, 1929, стр. 50.